

щикам правых партий оставалось только радоваться. Они могли все предоставить Тальену, Бийо-Варенну и другим монтаньярам, которые ради самозащиты постараются свергнуть Робеспьера.

В тот же вечер Якобинский клуб покрыл рукоплесканиями речь Робеспьера и яростно отнесся к Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенну. В клубе поднимался даже вопрос о том, чтобы идти с оружием против Комитетов общественного спасения и общественной безопасности. Все ограничилось, однако, одними речами: Якобинский клуб и раньше никогда не был центром действия.

Зато в ту же ночь Бурдон и Тальен заручились поддержкой правых и, по-видимому, сговорились с ними не давать на завтра Робеспьеру и Сен-Жюсту говорить с трибуны. Действительно, на следующий день, 9 термидора, как только Сен-Жюст начал читать свой доклад, очень умеренный, надо сказать, в своих заключениях, так как докладчик требовал только пересмотра правительственной организации, Бийо-Варенн и Тальен не дали ему читать. Они требовали ареста «тирана», т. е. Робеспьера, и их крики: «Долой тирана!» - были подхвачены всем «Болотом». Робеспьеру точно так же не дали сказать ни слова и после очень бурной сцены Конвент велел его арестовать вместе с его братом, Сен-Жюстом, Кутоном и Леба. Их отвели в четыре различные тюрьмы.

Тем временем Анрио, начальник национальной гвардии, в сопровождении двух адъютантов и нескольких конных жандармов скакал по направлению к Конвенту; но два члена Конвента, увидав его на улице Сент-Оноре, велели его арестовать шестерым из сопровождавших его жандармов, что и было ими исполнено.

Генеральный совет коммуны собрался только в шесть часов вечера. Он выпустил прокламацию к народу, приглашая его восстать против Барера, Колло д'Эрбуа, Бурдона, Амара, и послал Кофингалья освободить Робеспьера и его друзей, которые, так полагал Совет, должны были содержаться при Комитете общественной безопасности. Но там их не оказалось; Кофингаль нашел только Анрио, которого и освободил. Что же касается до Робеспьера, то его перевели сперва из Конвента в Люксембург, где тюремщики его не приняли; и тогда он вместо того, чтобы идти в ратушу, где заседала Коммуна, и броситься смело в восстание, направился в администрацию полиции, где и оставался в бездействии. Сен-Жюст и Леба, освобожденные из тюрем, пришли в Коммуну; Робеспьер же не хотел трогаться, и Кофингаль едва заставил его подчиниться требованию Коммуны и направиться в ратушу. Он пришел туда только в восемь часов вечера.

Совет Коммуны поднимал восстание; но оказалось, что секции вовсе не стремились восставать против Конвента, вероятно потому, что их звали к бунту во имя тех, кого они обвиняли в казни своих любимцев Шометта и Эбера, в смерти Жака Ру, в удалении Паша и в уничтожении независимости секций. Впрочем, народ Парижа должен был также чувствовать, что революция умирает и что люди, из-за которых Совет Коммуны звал народ к бунту, не представляли собой никакого нового начала в народной революции.

Наступила полночь, а секции и не думали восставать. Во всех секциях царило несогласие, говорит Луи Блан, так как их гражданские комитеты не были согласны с их революционными комитетами и общими собраниями. Те 14 секций, которые решили повиноваться Коммуне, ничего не предпринимали, а 18 секций, из которых 6 были в самом центре города, вокруг ратуши, были против постановления Коммуны. Члены секции Гравилье, к которой некогда принадлежал Жак Ру, составили даже главное ядро одной из двух колонн, направившихся по приказанию Конвента против городской ратуши¹.

Конвент тем временем объявил инсургентов и самую Коммуну «вне закона», и когда этот декрет

¹ Секции, говорил Эрнест Мелье, «уже не повелевали своими комитетами, а следовали за ними, причем секционные комитеты состояли из членов, зависевших только от Комитетов Конвента — общественного спасения и общественной безопасности. Вся политика шла помимо секций... Дошли до того, что даже запретили им называться первичными собраниями избирателей-20 флореаля II года (9 мая 1794 г.) национальный агент Коммуны Пайян, заменивший Шометта, предупредил секции, что при революционном правительстве первичных собраний не полагается... Он, следовательно, напоминал им, что их отречение от политики должно быть полное» (*Mellie E. Les sections de Paris pendant la Revolution. Paris, 1898, p. 151, 152*). Рассказав, скольким последовательным «очищениям» должны были подвергнуться секции, чтобы угодить Клубу якобинцев (*ibid.*, p. 53), Мелье заключил такими словами: «Мишле, стало быть, был прав, когда говорил, что в эту пору общие собрания секций были уже местными и что вся власть перешла к революционным комитетам, которые сами тоже не высказывали большой жизненности» (*ibid.*, p. 154, 166). 9 термидора, как убедился в этом Мелье из архивных документов, почти во всех секциях революционные комитеты были в сборе и ждали приказаний правительства (*ibid.*, p. 169). Нечего, стало быть, удивляться, что секции не тронулись против заговорщиков термидорского переворота.